

зианским методом, — пишет он своему другу-иезуиту в 1726 г. — Они довольствуются своим «ясным и отчетливым представлением», в котором находят удобную и не требующую труда замену всех библиотек в мире»¹⁰. Вико принимает прогрессивный тезис Декарта, утверждающий примат свободного разума перед авторитетом, нанеся удар схоластической системе мышления и образования; но в глазах философа, посвятившего себя преподавательской деятельности, он таит определенную опасность; и «молодые люди легко поддаются соблазну такой доктрины, ибо много читать утомительно».

Критика картезианской философии не сводится к вопросам методологии, но вызвана также не менее серьезными расхождениями идеологического характера, выходящими за рамки как частной полемики с Декартом, так и за рамки XVIII в. Метафизика французского философа, по профессии медика, подчеркивает Вико, «не служит даже медицине, так как человек Декарта не существует в природе»¹¹. Здесь же Вико отмечает, что сам он не стал углубляться в эту науку, «ибо она ничем не содействовала философии человека».

Небрежение философии к историческому, реальному человеку и отсутствие интереса к общественным дисциплинам, как пагубное следствие методологической ограниченности научных воззрений своего времени, было отмечено Вико еще в начале XVIII в.: «Ныне преследуется только одна цель — познание истины. Изучается природа вещей, потому что такое изучение кажется точным, не изучается природа человека, потому что, будучи свободною, она не поддается точному знанию»¹². Полемика Вико с Декартом отражает столкновение двух противоположных философских концепций и научных подходов. Оба отправляются от одной и той же основополагающей идеи — от самоочевидности человеческого самосознания, намеченной еще в христианской философии, но в отличие от Декарта Вико руководствуется не индивидуальным разумом, а «здравым смыслом рода человеческого». «Мир наций был, безусловно, сделан людьми... и потому способ его возникновения нужно найти в модификациях нашего собственного человеческого сознания», — говорит Вико (118), но миру абстрактных и измеримых величин математических наук он противопоставляет несоизмеримо более сложную величину, стоящую в центре наук гуманитарных, — человека. Первая аксиома из 114, выдвинутых в главе «Об элементах», сформулирована следующим образом: «Человек вследствие бесконечной природы человеческого ума делает самого себя правилом Вселенной там, где ум теряется от незнания» (73). Установление этого всеобщего правила дает Вико право утверждать, что разрабатываемая им новая наука «продвигается совершенно так же, как геометрия, которая на основе своих элементов строит и созерцает, сама себе создает мир величин; но в наших построениях настолько больше реальности, насколько более реальны законы человеческой деятельности, чем точки, линии, поверхности и фигуры» (разрядка моя. — Л. С.) (118).

Таким образом, еще в начале XVIII в. была четко высказана мысль о возможности и необходимости превращения филологии (в том объеме, как ее понимал Вико) из разрозненного нагромождения энциклопедических знаний в науку не менее точную, чем математика, хотя и принципиально отличную от нее. К филологам Вико относит «всех грамматиков, исто-

¹⁰ Михайловский Н. К. Вико и его «Новая наука». — Михайловский Н. К. Собр. соч. СПб., 1909, т. 3, с. 79.

¹¹ Вико Дж. Жизнь Джамбаттиста Вико, написанная им самим (в извлечениях). — В кн.: Основания новой науки об общей природе наций. Пер. с итал. Л., 1940, с. 486, 487. Здесь и далее ссылки даются на это издание с указанием страниц в круглых скобках.

¹² Цит. по: Михайловский Н. К. Указ. соч., с. 76.